

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СВЕТЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА И НОВОЙ РИТОРИКИ

С.А. Шейпак

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, д.6, Москва, Россия, 117198

В статье речь об определении и подходах к описанию языковой личности, разработанных в рамках лингвоперсонологии. Рассматриваются возможности их развития в рамках риторического, нарратологического и дискурс-анализа.

Ключевые слова: языковая личность, субъект, дискурсивная идентичность, этос, анализа дискурса.

В требованиях, которые предъявляет новый образовательный стандарт к профессиональной подготовке магистров по направлению «Лингвистика», речь идет о формировании и развитии черт первичной и вторичной языковой личности, что повлекло за собой появление в вариативной части учебного плана нового курса «Сильная/ слабая языковая личность». В статье речь пойдет о разработке программы данного курса с учетом европейской лингводидактической практики, современных концепций коммуникации и идентичности.

Термин языковая личность (ЯЛ) появляется, хотя без четкого определения, в начале XX в. в работах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова [1]. В результате смены в лингвистике структурной парадигмы на антропоцентрическую ЯЛ стала предметом детального изучения в рамках специально для этого созданной дисциплины «лингвоперсонологии». Ю.Н. Караулов, разработавший концепцию ЯЛ в российской лингвистике, указывал, что существует три подхода к изучению ЯЛ в лингвистике: через психологию – психолингви-

стический, выбранный им самим, через методику обучения – лингводидактический, рассматриваемый им на примере исследований Г.И. Богина, через язык художественного произведения, как это предлагал В.В. Виноградов [2; 28]. Этот последний подход можно было бы в рамках современной эпистемологической парадигмы назвать нарратологическим.

Ю.Н. Караулов, развивая психолингвистический подход, предлагает рассматривать ЯЛ обобщенно, как «способ описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов» или конкретно, как носителя языка, характеризуемого «на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих тестах системных средств данного языка [3; 671]. Караулов вводит трехуровневую структуру ЯЛ. Нулевой уровень, общенациональный, характеризуется устойчивой частью вербально-семантических ассоциаций. На первом, лингвокогнитивном уровне представлена инвариантная часть языковой модели мира, или тезауруса данной личности. На втором, высшем, мотивационном уровне выявляются жизненные или ситуативные доминанты, установки, мотивы, находящие отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов [2; 43].

С понятием ЯЛ тесно соприкасается другой термин, введенный в российской традиции «индивидуальная национальная языковая картина мира» (ИНЯКМ). Она учитывает этническую ориентированность мышления индивида и показывает, каким образом ЯЛ овладела словарным запасом родного языка [4; 113]. Индивидуальный словарь будет отличаться количественно и качественно, отражая асимметрию в овладении НЯКМ, ее индивидуальное семантическое осмысление, основанное на уникальном жизненном опыте, знаниях и ценностных доминантах.

Иное развитие ЯЛ получила в работах В.И. Карасика, который выделяет пять подходов в исследовании ЯЛ, добавляя к четырем предложенным выше культурологический [5; 176]. Он определяет ЯЛ, как принято в современной лингводидактике, через коммуникативное поведение, выделяя носителей языка с различным уровнем коммуникативной компетенции. В рамках культурологического подхода, он вводит смежные с ЯЛ понятия «модельная личность» и «лингвокультурный типаж» [5; 179]. Модельная личность определяется своими ценностными ориентирами через социокультурный тип, характеризующий поведение представителя определенной культуры, которому стремятся подражать представители той же культуры. Основной чертой лингвокультурного типажа по Карасику является узнаваемость его образа в определенной культуре. Модельная личность должна иметь лишь положительные коннотации для носителей данной культуры, в то время как лингвокультурный типаж может иметь и положительные, и отрицательные коннотации. Вторым их отличием является степень эмотивности, т.е. модельная личность должна вызывать у представителей данной культуры яркие эмоции, а лингвокультурный типаж не должен.

Описанная выше трехуровневая модель ЯЛ не противоречит опыту, накопленному в лингводидактической практике, подчеркивал Ю.Н. Караулов, ссылаясь на работы Г.И. Богина, который обобщенно описывал ЯЛ как «многослойный и многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения [2; 71]. Ю.Н. Караулов признавал, что лингводидактическая модель ЯЛ Богина, учитывающая уровень владения языком и описанная, исходя из уровней языковой структуры (фонетика, лексика, грамматика) и четырех видов языковой деятельности, позволяет представить ЯЛ «компактно, обозримо и в динамике», но, по его мнению, она была непродуктивно глобальна и универсальна, поскольку не учитывала национальной специфики языка. Однако именно такой подход был реализован в разработанных Советом Европы «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» [6]. Этот документ, лежащий сегодня в основе всего языкового образования в Европе, описывает иерархическую структуру иноязычных знаний и умений, необходимых для эффективного общения в современном мире. Опыт его активного

использования для описания коммуникативной компетенции ЯЛ доказывает, что лингводидактический подход к описанию ЯЛ сегодня может эффективно использоваться для анализа структуры ЯЛ наряду с психолингвистическим.

Подход, в основу которого положен анализ текста художественного произведения, предложенный В.В. Виноградовым, сегодня может быть назван нарратологическим. Ю.Н. Караулов, развивая идеи В.В. Виноградова, предлагал "изолированное" изучение языковой личности персонажа и соотнесения ее с целостным художественным образом, который выходит за рамки одной ЯЛ, будучи сложной и многоуровневой структурой. Многослойную речевую структуру произведения Караулов предлагает анализировать с точки зрения способов интериоризации автором речи персонажа, выделяя внутренний монолог, внутренний диалог, в котором логика рассуждения преобладает над логикой изложения, условно интериоризованную речь, где изображение действительности дается через призму восприятия персонажа, неполностью интериоризованную речь, вводимую авторскими конструкциями [2; 34]. Для вычленения отдельной ЯЛ из сложной речевой структуры произведения может быть использован разработанный в современной нарратологии анализ повествовательных инстанций, рассматривающий конкретного и абстрактного автора, фиктивного нарратора и читателя, абстрактного и конкретного читателя в их сложном взаимодействии. Такой анализ позволяет на основе речевого поведения персонажа выявить структуру изолированной ЯЛ.

На стыке двух подходов, нарратологического и риторического (или дискурсивного) находится металингвистический подход М.М. Бахтина, для которого «человек говорящий» является «социальным человеком», поскольку «слово есть выражение и продукт социального взаимодействия трех: говорящего (автора), слушающего (читателя) и того, о ком (или о чем) говорят (героя)» [7]. «Человек говорящий» становится, таким образом, участником коммуникативного события как «со-бытия субъекта, объекта и адресата высказывания». В. Тюпа, соотносит мысли Бахтина о слове, не изъятом из диалогического общения, а существующего в самой сфере этого общения, с положениями неориторике Х. Перельмана. По Перельману каждый раз в коммуникативном взаимодействии «человек говорящий» выстраивает себя как индивидуума. Поэтому он может быть описан как ЯЛ в соответствии с принятой в когнитивной семантике теорией Э. Рош ядра и периферии через набор важных, присущих только ему ядерных, типовых черт и окказиональных, периферийных элементов, определяемых заданной ситуацией [8; 226]. Делая вывод о связи «речевых жанров» Бахтина с классическими категориями риторике, Тюпа соотносит также «говорящего человека» Бахтина с риторическим субъектом М. Фуко, который уже не может быть назван ЯЛ, поскольку в «Археологии знания» представлен как функция, которая будет меняться в различных высказываниях и может быть отдана различным индивидуумам.

Таким образом, от ЯЛ намечается естественный переход к анализу дискурса (АД), по-разному трактуемому во французской и англо-саксонской традиции. Во Франции, где АД развивался под влиянием идей Альтюссера, Лакана, Фуко, развивается одновременно классический риторический подход к анализу дискурсивной идентичности, определяемой через аристотелевский *ethos* [9]. На пересечении коллективного этоса и индивидуального дискурсивного этоса, который в отличие от Аристотеля больше не создается говорящим субъектом интенционально, конструируются идентичности, которым АД отказывает в постоянстве и стабильности.

Далеко не исчерпывающий обзор подходов к рассмотрению проблемы ЯЛ показывает актуальность и значимость нового курса в программе подготовки магистров.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Иванцова Е.В. «Языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 4, 2010.
- [2] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М: Наука, 1987.
- [3] Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М: Дрофа, 1997.
- [4] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М: КДУ, 2013.
- [5] Карасик В.И. Языковые ключи. – М: Гнозис, 2009.
- [6] Council of Europe (2011). CEFR/ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf
- [7] Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии. [Цит. по Тюпа В. Металингвистика как новая риторика / Интеллектуальный язык эпохи: История идей, история слов. – М: НЛО, 2011.]
- [8] Perelman Ch. Rhétoriques. – Éd. de l'université de Bruxelles, 2012..
- [9] Amossy R. La Présentation de soi. Ethos et identité verbale. – P: PUF, 2011.

LITERATURA

- [1] Ivantsova E.V. «Yazykovaya lichnost»: istoki, problemyi, perspektivy ispolzovaniya/ Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. # 4, 2010.
- [2] Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. – М: Nauka, 1987. Russkiy yazyk: entsiklopediya / gl. red. Yu.N. Karaulov. – М: Bolshaya ros. entsikl. : Drofa, 1997.
- [3] Kornilov O.A. Yazykovyie kartiny mira kak proizvodnyie natsionalnyih mentalitetov. – М: KDU, 2013.
- [4] Karasik V.I. Yazykovyie klyuchi. – М: Gnozis, 2009.
- [5] Council of Europe (2011). Common European Framework of Reference – CEFR/ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf
- [6] Voloshinov V. N. Slovo v zhizni i slovo v poezii./ in Tyupa V. Metalingvistika kak novaya ritorika / Intellektualnyiy yazyk epohi: Istoriya idey, istoriya slov. – М: NLO, 2011.]
- [7] Perelman Ch. Rhétoriques. – Éd. de l'université de Bruxelles, 2012.
- [8] Amossy R. La Présentation de soi. Ethos et identité verbale. – P: PUF, 2011.

LANGUAGE IDENTITY IN DISCOURSE ANALYSIS AND NEW RHETORIC

S.A. Sheypak

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

In this article various ways to approach the identity in language studies are described. Traditional approaches use psychology of language, language education and philology methods. Rhetorical, narratological and discourse analysis could be used to develop traditional approaches.

Keywords: language identity, subject, discourse identity, ethos, discourse analysis.